

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.Ю. Желтов

ИННОВАЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ИМЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НИГЕР-КОНГО

Данная статья посвящена анализу тех элементов в именных системах языков нигер-конго, которые можно интерпретировать не как рефлексы протосистемы, а как инновации, которые демонстрируют возможные пути формирования системы именных классов. В целом можно отметить достаточно предсказуемую тенденцию появления подобных инновационных элементов для тех групп и языков, где на синхронном уровне система классов отсутствует (или сильно редуцирована). При описании инновационных элементов в системах классов или элементов, которые могут быть кандидатами на превращение в именные классы в будущем, необходимо, прежде всего, различать элементы обновления системы с помощью уже существующих в «старой» системе показателей и возникновение действительно новых элементов, на примере динамики изменений которых можно проследить пути возникновения или изменения системы именных классов.

Нумеративные классификаторы в языках нигер-конго

Долгое время признанным фактом считалось отсутствие в Африке систем нумеративных классификаторов.¹ Надо сказать, что еще в [Greenberg 1977, 1978] речь шла о том, что именно наличие подобных классификаторов, в сочетании с широко распространенным процессом грамматикализации демонстративов, могло являться источником формирования систем именных классов в нигер-конго. При этом отмечалось, со ссылкой на типологические параллели с языками Юго-Восточной Азии, где широко распространены нумеративные классификаторы, что их сфера употребления может распространяться, помимо числительных, как раз на демонстративы. В относительно недавнее время стали появляться упоминания о наличии систем нумеративов в языках нигер-конго. Насколько мне известно, первой работой, в которой описываются нумеративные классификаторы в нигер-конго, является статья С. Икоро [Икоро 1994]. В этой статье описывается система нумеративных классификаторов в языке кана, относящемся к подгруппе кегбоидных (огони) языков кроссриверской группы семьи бенуэ-конго. В кана функционирует 16 классификаторов, 14 из которых совпадают с существующими в языке лексемами²: *kà* ‘мать’, *bee* ‘плод’, *té* ‘дерево’, *ákpó* ‘длина’, *ápéé* ‘кусок’, *ásúú* ‘зерно’, *kūm* ‘ствол’, *kě̀rè* ‘половина’, *ábá* ‘один из’, *kpò* ‘куча’, *ɲwíí* ‘ребенок’, *abà* ‘часть’, *ákpá* ‘кожа’ (‘кожура’ — ‘skin’), *nɛɛ* ‘человек’, и два показателя с неясной этимологией — *ápa* и *ákrɛ*. Все классификаторы обязательны при употреблении числительных и занимают позицию между числительным и именем. Также они употребляются с во-

¹ В работах, посвященных изучению этого явления (в частности, [Aikhenvald 2000]) нумеративные классификаторы рассматриваются как частный случай более широкого спектра явлений: нумеративные, демонстративные, посессивные и глагольные классификаторы.

² Сохраняется орфография автора, за исключением того, что отсутствие соответствующей диакритики над гласным означает средний тон, а для «восходящего» (raised) используется значок ˀ.

просительным словом ‘сколько’, но не употребляются со словами, обозначающими временные отрезки (например, ‘день’). Особенность, отличающая классификаторы в кана от подобных систем в Юго-Восточной Азии, состоит в следующем: в ЮВА классификатор может образовывать морфологическое единство с числительным, а в кана — с существительным. Это отчетливо видно, в частности, при употреблении диминутивной клитики, которая в нумеративных конструкциях отделяется от имени классификатором, который превращается в своеобразный именной инфикс: *i kára* ‘маленькая лягушка’ от *kára* ‘лягушка’, но *z ù i kà kára* ‘одна маленькая лягушка’.

Классификаторы выражают следующую семантику:

kà ‘мать’ — нейтральный или «дефолтный» классификатор, может употребляться с именами, обозначающими людей (включая термины родства), животных, предметы;

bee ‘плод’ — употребляется с именами, обозначающими плоды, части тела, абстрактные понятия (‘слово’, ‘песня’);

té ‘дерево’ — со словами, обозначающими транспортные средства, включая ружье — средство для транспортировки пуль;

ákpó ‘длина’ — вытянутые предметы и капли (струи?) жидкостей;

ápéé ‘кусок’ — части предметов и брызги жидкостей;

ásiú ‘зерно’ — имеет выделительное значение «один небольшой элемент, чаще встречающийся в совокупности» (например, зерна разных злаков);

kùm ‘ствол’ — объекты, обладающие стволом, стволы растений;

kě̀rè ‘половина’ — для объектов, состоящих из частей или сегментов;

ábá ‘один из’ — используется только при счете клубней ямса и маниоки;

kpò ‘куча’ — для объектов неправильной или «кучеобразной» формы;

ɲwíí ‘ребенок’ — для обозначения детей человека или животных;

abà ‘часть’ — для обозначения частей объектов, состоящих из набора однотипных элементов (страница, ребро);

ákrá ‘кожа’ (‘кожура’ — ‘skin’) — плоские предметы;

ɲɛɛ ‘человек’ — только для слова ‘гость’;

ára — для объектов конической формы (возможно, от лексемы со значением ‘ковш’);

ákrɛ — для объектов, вытянутых по вертикали.

Следует отметить, что семантика и даже количество классификаторов напоминает именные классы в языках нигер-конго. Как и, например, в банту, слово может менять значение при употреблении с разными классификаторами. При этом в самом языке кана, как и в большинстве кегбоидных, собственно именных классов нет.

В этой же статье упоминается наличие похожих систем нумеративных классификаторов в других кегбоидных языках — гокана, баан и элеме. Также, со ссылкой на неопубликованную диссертацию Дж. Уотерса, упоминаются 5 нумеративных классификаторов в языке эджагам (южные бантоидные), в котором при этом сохраняется система именных классов с корреляциями по числу, и классификатор включает показатель соответствующего класса, разный для ед. и мн. ч. и определяющий согласование по этому классу для числительных.

В [Aikhenvald 2000] (со ссылкой на устное сообщение В.А.Виноградова) упоминается наличие нумеративных классификаторов в языке нгембоон (грасфилдс, бантоидные). В WALS [WALS 2005] отмечается наличие нумеративных классификаторов в одном из языков гур, туссиан (вин).

Автору данной работы удалось обнаружить нумеративные классификаторы в ходе полевой работы в языке гбан (южные манде) [Желтов 2005].

Гбан не единственный язык манде, где существует система классификаторов. Похожие явления наблюдаются в языке дан

(южные манде) [Erman 2005], а также в бамана (манден) [Выдрин 2006], где в качестве нумеративов используются лексемы: *kàlá* ‘палка’, *dén* ‘плод, ребенок’, *jǔ/sǔn* ‘ствол’ (для счета деревьев), и др. — впрочем, здесь их грамматикализация находится на самой начальной стадии.

Возможно, что нумеративы могут быть обнаружены и в других языках этой семьи. Наличие в нигер-конго нумеративных классификаторов очень важно как для типологии классификаторов, так и для понимания возможных источников возникновения нигеро-конголезских именных классов. При этом важно заметить, что системы классификаторов нигер-конго не образуют кумулятивных знаков с другими категориями. Можно предположить, что именно появление кумулятивности у показателей нумеративов может свидетельствовать о переходе от классификаторов к классам.

«Псевдосогласование» в гбан

В гбан лексема *mí* ‘человек’ не используется ни как агентивный суффикс (как в юго-западных манде), ни как нумеративный классификатор, хотя система нумеративов в этом языке существует. Тем не менее, в конструкции с квалификативной именной предикацией она используется как своеобразный адъективный согласователь, выделяющий класс «людей». В гбан есть как квалификативные глаголы, так и прилагательные. И те, и другие могут использоваться в одних и тех же контекстах. Употребление в квалификативной предикации квалификативного глагола приписывает определяемому менее постоянное качество, чем в случае с употреблением прилагательного. Кроме того, при использовании прилагательного обязателен копулятивный глагол *uee*. При этом необходимо поставить в непосредственную препозицию к прилагательному существительное, указывающее на референта (даже если оно уже обозначено в позиции субъекта), ср. (*mí*) *è líè* ‘(человек) он быть-хорошим’ (с глаголом *líè*) и (*mí*) *è yèè mí líèlè* ‘(человек) он есть человек

хороший' (с прилагательным *lîð*). Прилагательное (возможно, причастие) может образовываться от глагола с помощью суффикса *-le*, как в этом случае, или менее регулярным образом, но всегда имеет более сложную форму, чем соответствующий глагол. Конструкция в гбан (языке без именных классов и, естественно, без согласовательных парадигм) очень похожа на конструкцию с согласованием в суахили: *M-tu ni m-zuri*. '1 кл.-человек есть 1 кл.-красивый. Отличие состоит в том, что в суахили для повторного указания на референт субъекта используется показатель личного класса, а в гбан — лексема *mí* 'человек'. Это сходство усиливается, если сравнить экспоненты морфемы 1 класса в банту **mi* и соответствующую лексему в гбан. При этом в суахили при глагольной предикации субъектный глагольный согласователь будет отличаться от адъективного согласователя: *(M-tu) a-me-anguka* '(1 кл.-человек) 1 кл. S-Перфект-падать' (ср. с обязательным употреблением субъектного местоимения *ε* в гбан даже при наличии именного субъекта). Сравнение с гбан позволяет предположить, что различные показатели для субъекта глагола и прилагательного в банту для имен одного класса объясняются их различным происхождением: субъектный согласователь — от собственно местоимения 3 лица, а адъективный согласователь — из необходимости повтора определяемого референта непосредственно перед прилагательным, что, в свою очередь, вызвано утратой ими предикативной функции (в отличие от квалификативных глаголов) и, следовательно, необходимостью появления копулятивного предиката, отделяющего определение от определяемого. В дальнейшем эта характеристика может быть перенесена и на атрибутивную конструкцию.

Прономинальная классификация в занде

Очень важным для понимания процессов возникновения классификационных систем в прономинальной парадигме является язык занде (убанги, адамауа-убанги) и группа родственных

языков. В этой группе именная классификация выражена только в местоимениях, причем выделяется оппозиция мужского и женского пола, которая является крайне редкой в нигер-конго.³ Наличие в системе классификации данной оппозиции, которая, очевидно, не может возводиться к пра-нигеро-конголезской системе классов, с одной стороны, делало занде «неинтересным» с точки зрения поиска рефлексов протосистемы, но, с другой стороны, позволяло считать классификацию в этом языке очевидно инновационным явлением, а следовательно, ставить вопрос о возможных источниках ее возникновения, другими словами, как бы раздвигало «прокрустово ложе» протосистемы. Не случайно название книги, посвященной именной классификации в занде, звучит так: «К возникновению родовых систем. Размышления о некоторых теоретических аспектах, связанных с изучением данного явления в занде» [Claudi 1995].

Во всех языках этой подгруппы существуют местоимения мужского и женского классов, «класса животных» и нейтрального (неодушевленного) класса. Во множественном числе оппозиция «мужской / женский» регулярно нейтрализована, причем похоже, что в качестве общего показателя выступает местоимение мужского класса с общим для имен и местоимений плюрализатором *a-*. Также нейтрализована оппозиция ед./мн. ч. для неодушевленного класса. В единственном числе во всех языках, кроме памбиа, помимо местоимений мужского и женского класса есть отличающееся от них местоимение личного класса (употребляемое при референции как к мужчинам, так и к женщинам, наряду со специализированными формами)⁴.

³ Встречается только в языках занде, нзакара, памбиа, барамбу (группа занде, убанги), ма (группа сере-нгбака-мба, убанги), в группе иджо-дефака, в ниабуа и вобе (кру) и джо (манде).

⁴ Весьма интересно, что практически идентичная система (абсолютно во всех описанных выше аспектах) представлена в языке калабари (иджо) [Jelewari 1989]: совпадают все нейтрализации, также есть общая форма для мужчин и женщин в ед. ч., и т.д. Единственное отличие — отсутствие в калабари

В разных языках можно заметить и некоторые индивидуальные нейтрализации, упрощающие систему. В нзакара местоимение мужского класса используется в ед. и мн. ч. и для женского класса, и для класса животных, таким образом, соответствующие оппозиции нейтрализуются, и возникает новая — одушевленность / неодушевленность. В памбия и барамбу нейтрализуется (или не формируется?) оппозиция между классом животных и неодушевленным классом в ед. и мн. ч. при сохранении оппозиций, нейтрализованных в нзакара, и соответственно противопоставление по числу отсутствует не только для неодушевленного класса, но и для класса животных. В занде сохраняются (или формируются?) все упомянутые оппозиции. При этом для большинства местоимений находятся соответствующие источники в именной системе. Неодушевленному местоимению ед. ч. соответствует существительное со значением «вещь», причем в некоторых контекстах их фонетические формы полностью совпадают — *hε* (ср. с распространенным в нигер-конго показателем класса вещей **ki*). Сходство подкрепляется практически однотипным использованием слова «вещь» в занде и префикса *ki-*, например в суахили (банту) в отглагольной деривации: *ri-á-hê* (есть + *a* + вещь) ‘еда’ в занде; *ki-tu ch-a kula* → *ch-akula* (7 кл.-вещь + 7 кл.-Poss + есть → 7 кл.-*a* — есть). Источник (или промежуточный этап) грамматикали-

«класса животных». Причем есть сходство и на материальном уровне: *ári* (субъектная форма 3 л. ед.ч. женск. в калабари), *-ri* (3 л. ед.ч. женск. в занде); *ini* (субъектная форма 3 л. мн.ч. мужск./женск. в калабари), *-ni* (3 л. ед.ч. мужск./женск. в занде).

⁵ В контексте столь многочисленных случаев очевидного возникновения, а не разрушения классов, а также возможности объяснения случаев совпадения «старых» и «новых» элементов именной системы грамматикализацией в разное время, но из одних (или похожих) лексических источников, идея о том, что, чем сложнее система классов, тем ближе она к прото-системе, даже при проявлении подобной сложности в разных группах, не представляется абсолютно бесспорной.

зации лексемы «вещь» можно увидеть в конструкциях, где данная лексема используется в функции неопределенного местоимения, сохраняя, по сути, лексическое значение: *gu he* ‘некая вещь, что-то’. В той же функции неопределенного местоимения употребляется и лексема «человек»: *gu boro* ‘какой-то человек, кто-то’. При этом примеров грамматикализации этой лексемы в прономинальной системе занде не обнаружено, зато есть соответствие в иджо *bo* и сонгаи *boro* ‘человек’. Данные употребления слов «вещь» и «человек» в качестве неопределенных местоимений опять находит аналогии в суахили: *si-on-i ki-tu/mtu* (1 л. ед. ч. Neg — видеть — Neg + 7 кл.-вещь/1 кл.-человек — ‘Я не вижу ничего/никого’). Разница между суахили и занде состоит в том, что в суахили данные лексемы уже имеют в своем составе префикс именного класса, так как в языке уже существует система именных классов, а в занде прибавляется именная лексема с абстрактным значением⁶. Грамматикализация комбинаций типа *gu he* и *gu boro* может привести к обновлению лексемы для «вещи» и «человека», где *gu* будет рассматриваться как основа, а *he* и *boro* — как показатели именного класса. Возможно, именно так и происходило в суахили (и шире — в банту, так как данные лексемы — *kitu* и *mtu* — относятся к общебанту-скому словарному фонду).

Ni (возможны фонетические варианты) используется в ед. ч. в качестве местоимения с признаком «личность» — без различия оппозиции «мужской/женский». Хотя в занде нет аналогичного имени, которое могло бы быть источником этого местоимения, в нзакара и барамбу, где также есть это местоимение (в нзакара его функции распространяются также на выражение класса личности во множественном числе в сочетании с обычным плюрализатором *a*), существуют лексемы *ni* (барамбу)

⁶ В [Heine, Kuteva 2002] приводятся примеры грамматикализации соответствующих лексем в виде неопределенных местоимений в суахили и булу (банту), а также в бака (убанги, адамауа-убанги).

и *ni* (нзакара), означающие ‘человек’ (ср. с формой *ni* в тви (ква) [Вестерман 1963], употребляющейся также в значении «человек» и как суффикс единственного числа для имен, обозначающих людей). В занде эта основа, видимо, вытеснена формой *boro*.

Местоимение мужского класса во всех языках занде имеет форму *ko* (во мн.ч. *a-ko*, только в занде форма мн.ч. супплетивная — *i* для субъекта, *yo* для объекта). Форма лексемы со значением «мужчина» во всех языках имеет форму *k(NV)V*. Очень вероятно происхождение местоимения из данной лексемы. Местоимение, используемое как кореферентное для названий животных и неодушевленных предметов в памбиа и барамбу, имеет форму *mba*. В лексике данных языков лексем с подобной формой не обнаружено, но в родственном убангийском языке мбане существует лексема *mba* со значением ‘тело, кожа, оболочка’. Эта лексема вполне могла бы быть источником данного местоимения.

Субъектное местоимение класса животных в занде (и, как вариант, в нзакара) — *u* (с фонетическими вариантами). Вполне возможно, что оно происходит от лексемы *ũ* ‘товар, выгода, добыча’. Подобная этимология объясняла бы отнесение к этому классу неодушевленных объектов, не относящихся к животным, например, металлов и изделий из них. Процесс их изготовления сложен, требует определенных усилий, как и охота на животных, поэтому они попадают под категорию «добыча, вещь, обладание которой желательно». Представленность в этом классе, например, небесных тел, может быть объяснена с помощью метафоры, вызванной религиозно-концептуальными представлениями занде о мире — при этом Клауди ссылается на подобные объяснения в разных источниках: луна, звезды, радуга воспринимаются как небесные животные, а молния даже более конкретно — как собака, следующая за Богом.

Наиболее проблематична этимология местоимения женского рода *ri*. Его связь со словом *ri* 'голова, крыша' неочевидна семантически.

В пользу возможного гетерогенного происхождения элементов даже внутри системы классов одного языка говорит сравнение субъектных и объектных форм местоимений в банту и тви. Для имен 1 (личного) класса банту субъектное местоимение **a* отличается от объектной формы **mi*. В языках банту источники этих форм не ясны. В языке тви, где деление имен на классы (по крайней мере, аналогичные бантуским) на синхронном уровне не представлено, функционирует указательное местоимение (возможно, артикль) *enɔ*. При этом его составные части служат для выражения различных функций: *e* — как субъектное местоимение 3 л. ед.ч., а *nɔ* — как объектное. Здесь наблюдается полная аналогия с латинским местоимением *ille*, из которого во французском образовались субъектное местоимение *il* и объектное местоимение = определенный артикль. Однако в тви анафорическое указание на объект возможно только для объектов с семантикой «люди». Принимая во внимание достаточно близкую степень родства банту и ква, и при допущении, что в ква могут наблюдаться процессы, которые в банту зашли уже гораздо дальше, можно высказать гипотезу, почему в банту различаются субъектные и объектные местоимения именно для личного класса ед.ч. Возможно, референциальный элемент, аналогичный *enɔ*, участвовал в формировании показателей классов и согласователей. Тогда появление особого элемента только в объектном согласователе класса людей становится понятно — только с людьми такое согласование и было возможно.

«Субморфная» грамматикализация

К.И.Поздняков предполагает и еще один источник грамматикализации, который мог оказать влияние на формирование системы классов: т.н. субморфная нейтрализация, или субморфный уровень языка. В [Поздняков 2006] он показывает, как суб-

морфный признак «лабиальность», устойчиво характеризующий показатели классов множественного числа в пра-тенда (атлантические), в современном языке грамматикализуется в морфему мн. ч. *β*, которая выходит из системы классов, престаёт влиять на ступень чередования анлаута корня и утрачивает кумулятивность. Подобные процессы, видимо, могли происходить и в других языках. Особенно характерны они для небольших замкнутых подсистем (типа личных местоимений) при максимально короткой сегментной форме элементов. Например, максимально простая система прономинальных классов гребо (кру) выглядит следующим образом [Claudi 1995]:

	люди	не люди
3л. ед.	ɔ	ε
3л. мн.	o	e

Мы не знаем, как могли выглядеть эти местоимения изначально, но отчетливо видна субморфная подстройка внутри системы. Фонологический признак «открытость» «работает» на ед. ч., а «закрытость» — на мн. ч. В свою очередь, признак «передний ряд» характеризует не-личный класс в обоих числах, а признак «задний ряд» — личный класс. Степень подъема при этом будет идентична. Во-первых, подобная субморфная подстройка (изменение по аналогии?) может менять форму морфем, затрудняя как реконструкцию, так и поиск источников грамматикализации. Кроме того, по аналогии с грамматикализацией в тенда признака «лабиальность» для выражения мн. ч., можно предположить, что признак «задний ряд» станет показателем класса людей.⁷

⁷ Ср. с суахили, где гласный /a/ не встречается в классах ед.ч., а гласный /u/ — в классах множественного числа.

Из представленных выше примеров возникновения именной морфологии и прономинальных морфем, очевидным образом имеющих отношение к именной классификации, видно, что, во-первых, подобные процессы представлены практически во всех группах нигер-конго, во-вторых, они демонстрируют различные пути грамматикализации классификационных элементов, при которых первичные классифицирующие аффиксы (или прото-классифицирующие?) возникают как в вершине именной группы — имени, так и в модификаторах, а также обнаруживаются параллели между «новыми» (только находящимися в процессе грамматикализации) и «старыми» (давно грамматикализованными) элементами. Данные факты, с нашей точки зрения, заставляют более внимательно посмотреть на всю динамику развития именных классов в нигер-конго. Очевидно, что все вышеописанные явления не являются рудиментами протосистемы именных классов нигер-конго. К тому же они, возможно, могут потребовать новой интерпретации некоторых других явлений. Не случайно, что за анализом местоименной системы занде у У. Клауди [Claudi 1995] последовали примеры крайне похожих систем в языках кру, где также элементы классификации выражаются только местоимениями, а в основе классификации лежит противопоставление личного и неличного класса, иногда осложняемого противопоставлением «мужской/женский» и появлением особых форм для животных (чаще всего крупных). Если в занде аналогичная система классов очевидным образом зарождается в местоимениях, то и местоименные системы в кру могут оказаться начальным этапом в становлении системы классификации, а не редуцированными «остатками» протосистемы. По крайней мере, появление женского класса в вобе и ниабуа определенно требует объяснения. Однако более короткие по форме местоимения в этих языках (обычно они представлены одним гласным) затрудняют поиск возможных источников грамматикализации и, возможно, говорят о большей степени грамматикализации, чем в занде.

Перспективным представляется анализ с этой точки зрения местоименной системы иджо, где некоторые местоименные формы достаточно длинные. Стоит вспомнить, что в работах А. Клингенхебена и Д. Вестермана подобные системы и рассматривались как этап развития, предшествующий именным классам типа бантуских, так же как и начальные гласные в ква и «новых» бенуэ-конго, которые активно участвуют в отглагольной деривации — процесс, который вряд ли может быть свойственен редуцированным и десемантизированным элементам протосистемы. Склонялся к подобной интерпретации (становление, а не исчезновение или редукция) указанных западноафриканских именных систем и И. Фодор [Fodor 1959].

Делать окончательные выводы на этот счет, видимо, преждевременно, но очевидно, что продемонстрированные в этом разделе явления заставляют более внимательно посмотреть на возможность возникновения более сложных систем из более простых, а не только учитывать возможность упрощения систем сложных. Процесс формирования классификационных систем нигер-конго богаче и разнообразнее, чем обновление (часто многократное) исходных пра-нигеро-конголезских префиксов классов, хотя и данное явление очевидно также участвует в этом процессе.

Кроме того, представленный здесь материал языков нигер-конго значительно расширяет наше знание о возможных источниках и путях грамматикализации, так как многие из приведенных примеров отсутствуют во Всемирном Лексиконе Грамматикализации [Heine, Kuteva 2002].

Литература

Вестерман Д. Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках // Африканское языкознание. Сборник статей. М., 1963. С. 54–93.

Виноградов В.А. Именные категории в сонгай // Основы африканского языкознания. М., 1997, с. 264–277.

Выдрин В.Ф. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 3–246.

Желтов А.Ю. Нумеративные классификаторы в гбан (юго-восточные манде): предварительные замечания // 10 конференция африканистов. Безопасность Африки. Внутренние и внешние аспекты. М., 2005. С. 154–155.

Поздняков К.И. К типологии именных классификаций // Исследования по языкам Африки. 2005. М., 2006. С. 203–233.

Aikhenvald A. Ju. *Classifiers. A Typology of Noun Categorization Devices*. Oxford University Press, 2000.

Claudi U. *Zum Entstehung von Genussystemen*. Hamburg, 1985.

Creissels D. Songhay and Niger-Congo (mandé) // Shadeberg Th., Bender L. (ed.) *Nilo-Saharan: Proceedings of the 1st Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*, Leiden, 1981. P. 307–327.

Erman A. *Le grammaticalisateur –ga en dan-blo* // Mandenkan. 2005. N 41. P. 41–61.

Fodor I. *The Origin of Grammatical Gender*. 1959, *Lingua* 8 (1). P. 1–41; 8 (2). P. 186–214.

Greenberg J. *Niger-Congo Noun Class Markers: Prefixes, Suffixes, Both or Neither* // *Studies in African Linguistics, Supplement 7*, 1977. P. 97–104.

Greenberg J. *How Does a Language Acquire Gender Markers?* // *Universals of Human Language, Vol 3*, Stanford University Press, 1978. P. 47–82

Gregersen E. A. *Kongo-Saharan*. *Journal of African Languages*. 11. 1972. P. 69–89.

Heath, J. 1999. *A Grammar of Koyra Chiini: The Songhay of Timbuktu*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge, 2002.

Ikoro S. *Numeral Classifiers in Kana* // *Journal of African Languages and Linguistics*. 1994. 15. P. 7–28.

Jenewari Ch.E.W. *Ijoid* // *The Niger-Congo Languages*. Lanham; New-York; London, 1989. P. 105–118.

Lakoff G. *Classifiers as a reflection of mind* // *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam (Philadelphia), 1986. P. 13–52.

World Atlas of Language Structures (WALS), Leipzig, 2005.